

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (09.00.01)

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ СТРУКТУРА ОНТОГНОСЕОЛОГИИ**А.Н. Огнев**

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва»

Для цитирования: Огнев А.Н. Дисциплинарная структура онтогносеологии // Аспирантский вестник Поволжья. – 2018. – № 3–4. – С. 22–28. doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.2.22-28

Поступила в редакцию: 23.04.2018

Принята к печати: 24.05.2018

▪ Статья посвящена рассмотрению дисциплинарной структуры онтогносеологии как целостной философской концепции, обоснованной советским философом М.А. Лифшицем. Дана характеристика предпосылок проблемного единства его учения, показана внутренняя связь понятий тотальности, реализма и философского эссенциализма. Основной акцент исследования сделан на дифференциации философских дисциплин внутри онтогносеологии. Проблематизированы теоретические задачи естественной, системной и спекулятивной онтогносеологии.

▪ **Ключевые слова:** онтогносеология; бытие; мышление; сущность; содержание; форма; истина; полнота; опосредствование; предел.

DISCIPLINARY STRUCTURE OF ONTOGNOSEOLOGY**A.N. Ognev**

Samara National Research University n.a. acad. S.P. Korolev

For citation: Ognev AN. Disciplinary structure of ontognoseology. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2018;(3-4):22-28. doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.2.22-28

Received: 23.04.2018

Accepted: 24.05.2018

▪ The article is devoted to the consideration of the disciplinary structure of ontognoseology as a holistic philosophical concept, substantiated by the Soviet philosopher M.A. Lifshits. The author presents the characteristics of the preconditions for the problematic unity of his doctrine, and shows the inner connection between the notions of totality, realism and philosophical essentialism. The main emphasis of the research is on the differentiation of philosophical disciplines within ontognoseology. The theoretical problems of natural, systematic and speculative ontognoseology are problematized.

▪ **Keywords:** ontognoseology; being; thinking; essence; content; form; truth; completeness; mediation; limit.

Вопрос о соотношении бытия и мышления, образующий проблемное содержание классической философии, неизменно предстаёт в качестве латентного основания проблематизации различных аспектов человеческого знания в той мере, в какой это знание обладает содержанием, имеющим сущностный эквивалент, подлежащий системной формализации, но допускающей дистинкции, устанавливающие разные терминологические режимы. Если знание исчерпывается только своей предметной стороной, то оно не заключает в себе интересной для философии содержательной коллизии, поскольку предстаёт как частно-предметный результат, который в ряде случаев может диссонировать в окказиональном порядке с прочими позитивными эпистемоло-

гическими конфигурациями, но не обнаруживает в себе никаких признаков внутренней понятийной динамики. Для философии значима прежде всего именно сокровенная жизнь Ума, а не индифферентное приложение понятий к мёртвому фактическому материалу, какими бы науками — естественными, гуманитарными или же общественными он ни формулировался. Истинная философия всегда содержательна, хотя и не в том смысле, в каком это допустимо по нормативным критериям позитивных наук. Она содержательна не в силу того, что её состав формализуем без остатка, а по той причине, что в ней скрыто то, что в частнонаучном значении образует её *caput mortuum in abstracto*, но ведёт понятийную жизнь *in concreto* в аквизитах всеобщности.

Вопрос о том, почему бытие и мышление, будучи взятыми в себе, различаются в понятийном плане, но оказываются постижимыми только через взаимное соотнесение друг с другом, не предполагает частнопредметного ответа, локализуемого в области позитивного знания. На этот парадокс указывал ещё М.И. Каринский: «Гегель именно вопрос о бытии поставил на то место, которое должно было принадлежать ответу на него» [4, с. 29]. В подобном реальном обращении эйдетических перспектив нет никакой необходимости, имеющей эквивалент в области позитивного знания, относящегося только к оконченным предметным содержаниям. Философия предстаёт в виде теоретического препарата, сам факт наличия которого свидетельствует не просто о конечности известных системных версий детерминизма, но об их иллюзорности. Такое заключение было бы допустимым применительно к акту единства бытия и мышления, но рассудочное сознание науки практикует его, беря его смысловую структуру в привычном для себя рассудочном смысле. Так, например, русский эмпириосимволист П.С. Юшкевич признаёт, что «в отдельности любой факт опыта может оказаться иллюзорным, но совокупность опыта не может оказаться иллюзией» [14, с. 92]. Частнопредметному знанию присуща способность инспирировать заключения подобного рода, суть которых сводится к упованию на то, что сумма конечных фактов может обладать признаком полноты, тогда как некоторые из них могут быть референциально неполноценными, оставаясь либо несуществующими, либо невысказанными. В этом случае можно считать допустимым предположение, что невысказанность некоего факта в его собственных границах компенсируется мыслимостью в иных фактах или же на уровне их общей умопостигаемой целостности по квалифицированному основанию, а равным образом, что онтологическая дефицитарность некоего фактического образования снимается в абстракции распределения как реквизит, достаточный для функциональной завершённости фактической конфигурации в целом.

Вводя понятие допустимого случая, нужно отдавать себе отчёт в том, что он должен быть распознаваемым по меркам того типа детерминации, исключением из которого он предстаёт. Такое пожелание неисполнимо в типологическом смысле, что предполагает наличие хиатуса внутри реальности, вследствие чего она должна необходимым образом утрачивать свою континуальность, вырождаясь в функцию дискретного объекта, кото-

рый никогда не объективируется для трансцендентального субъекта на общезначимых основаниях. Можно представить себе случай, который неспецифическим образом вплетён в ткань действительности, не обладая при этом собственной эйдетикой, то есть не обладающая своей *proprium* демонстративно, однако это будет относиться к эйдетике представления, а отнюдь не к реальным детерминациям. Следовательно, само допущение такого случая предполагает смешение идеации и реальной типологии, что требует представления о том, что при определённых условиях такая ошибка вообще может быть совершена. Нужно заставить человеческий ум поверить в то, что некий *a priori* ложный дефиниендум может экспонироваться как факт, для которого обнаруживается *fundamentum divisionis*. Принимая во внимание убывающую ценность апогагических доказательств по данному поводу, следует остановиться перед дилеммой открытия и изобретения. Можно открыть нечто, что не мыслится в режиме атомарного факта, но существует для квалифицированной конфигурации фактов, и можно изобрести факт сознания, которому нет аналога во всём том, что может быть дано в неспецифических реквизитах, общих для ряда фактов, охватываемых одной типологически значимой детерминацией. Применительно к этой дилемме вступает в силу возражение относительно характера предположения, в режиме которого случай с искомым набором характеристик может произойти. Дело в том, что *dua sunt genera* предположений. Речь может идти как о предположении формальном, разрешимость которого постулирована в пределах приращения определённости формы как таковой, и это будет трактоваться как конъектура. В противном случае предположение понимается содержательно, образуя гипотезу, но такую, относительно которой вопрос о соотношении логического объёма и содержания не представляется предreshённым. Тогда ценность гипотезы будет рассчитываться, исходя из колеблющегося курса соотношения между совместимыми с ней доказанными основаниями и следствиями, которые она сама имплицитно. Даже если эту неопределённость истолковать прагматически, разница между конъектурой и гипотезой всё равно на уровне понятия не исчезнет. Рассматривая случай в режиме предположения, это следует иметь в виду. Если бы относительно предполагаемого случая было бы известно, надлежит ли он открытию или изобретению, то он не был бы случаем, что позволило бы судить об однозначности его конъектурального или гипоте-

тического статуса. Из сказанного следует только то, что о случае говорят только тогда, когда его предполагаемый статус недифференцируем. Иллюзия же предполагает, что существует некий порядок, в котором бытие и мышление предстают как случай их замещения *qui pro quo*, при котором, однако, сохраняется семантическая когерентность набора базовых суждений, на основании которого представляется достаточным *consensus omnium*.

Аргумент к всеобщему согласию, однако, не обладает подлинной доказательной силой, а потому не может считаться логическим основанием, а только признаваться свидетельством того, что определённый по риторическим основаниям избыток обратных связей образует *desideratum* теоретической рекурсии, которая в себе лишена подлинной познавательной новизны, обладая при этом внешними абстрактными признаками логической значимости. В акте реального обращения такая рекурсия придаёт прибавочную ценность (*Mehrwert*) мировоззренческим инициативам, нацеленным на тенденциозное объяснение мира до тех пор, пока не возникнет нужда в процедурах противопоставления предикату. Именно в этой ситуации риторический избыток обратных связей, представляемый как *status quo* известных предикативных тематизаций, обнаруживает ничтожество тех абстракций, при помощи которых рассудок навязывал миру в качестве его истинной природы эксцесс отчуждённого от своей сущности существования, отражающий только степень неполноты реальности дискретного объекта с мистифицированным понятийным генезисом. Именно в этой ситуации обнаруживаются различия между суждениями, которые *in re* обладают всеобщностью, и суждениями, которые только кажутся таковыми в инсценированных актах репрезентации, подчиняющих логику внелогическим интересам организации трансцендентальной подтасовки понятий, рассчитанной на реификацию трансцензуса в конечных реквизитах. Это хорошо понимал русский неокантианец А.И. Введенский, руководствующийся гносеологической точкой зрения: «...познавательное значение всякого кажущегося общего суждения равно всего лишь познавательному значению нескольких единичных суждений» [2, с. 111]. Придерживающийся последовательного онтологизма неогегельянец Б.Н. Чичерин писал: «...всё наше опытное знание составляет только частное приложение общих законов разума» [12, с. 96]. Разница в подходах обоих мыслителей к одной и той же коллизии вполне очевидна: гносеологу интересны количествен-

ные лимиты исчисляемости пределов обобщения при наличном тематическом базисе, а онтолога занимает вопрос о том, насколько исходная всеобщность бытия в его истине резистентна по отношению к трансформациям формализмов, ограниченных партикулярными референциальными связями.

Оба подхода имеют в виду установление оснований для презумпции аутентичности, которая может как интуироваться, так и служить стимулом рефлексии. Следует признать, что подобная проективная конъюнкция обладает чертами идеала, относящимися не к объективируемому порядку существования, а к нормативам долженствования, субъективность которого исключает содержательное совпадение интуиции и рефлексии, коль скоро последние имеют противоположную направленность, раскрываемую в обратимых интенциональных порядках. Важно понимать, что презумпция аутентичности по самому своему смыслу задумывается как фактор, налагающий ограничение на совершение логической процедуры реального обращения. Субъект, для которого постулируемый норматив валиден, никогда не состоится в уже известных *hic et nunc* порядках существования. Если даже согласиться с романтиками, постулировавшими для идеала критическую значимость совпадения идеи и факта *coincidentia oppositorum*, для интуиции и рефлексии она всё равно останется недостижимой по показателям их радикальной гетерохронности. Но если абстрагироваться от фактора длительности с характерными для него размерностями, то вопрос о соотношении интуиции и рефлексии в презумпции аутентичности утрачивает свою теоретическую фатальность. Коль скоро его можно рассматривать в топологическом контексте, относя область его разрешимостей к аксиоматике построения конфигураций, посредством которого тотальность как актуальное единство бытия и мышления заменяется на обособленные *loci communes*, значимые как минимум в виде скептических тропов, тогда имеет смысл согласиться с выводом А.Э. Бахметьева: «Интуиция и гипотеза интериоризируют в свой опыт универсальные высказывания» [1, с. 7]. Сам же этот опыт топологической контракции абстрактных всеобщностей в диспозитивные конструкты, характеризующиеся реализуемой релевантностью эмпирики условных «естественных мест» тождества бытия и мышления, может быть реконструирован в том числе и посредством актов рефлексии, если исходить из концептуального решения, предложенного А.Ю. Нестеровым: «Рефлексия или самоописа-

ние сознания в виде осуществляемого конкретным индивидом процесса косвенного познания подразумевает осуществлённый акт прямого познания, уже обеспечивающий сознание индивида некоторым содержанием» [10, с. 41].

Онтогносеология как учение об условиях единства бытия и мышления представляет собой концепцию, раскрывающую лимиты взаимно-однозначного соответствия онтологических и теоретико-познавательных формализмов в контексте содержания, осмысливаемого на основании реалистической презумпции, что предполагает тезис об универсальности реального, которое предстаёт в конкретно-историческом многообразии своих идеальных спецификаций. Такое видение представляет собой радикальное катарсическое переосмысление средневековой версии реализма. Представление об универсальности реального косвенным образом опирается на последовательную реалистическую трактовку диалектики, предположенную в ономантическом реализме А.Ф. Лосева: «Для диалектики реально всё то, что она вывела, и всё, что она вывела, реально» [9, с. 17]. Специфика онтогносеологического понимания диалектики, однако, состоит в том, что применительно к ней речь идёт не о прагматическом узусе способности суждения, а о логосе выражения, позволяющем раскрыть классическое содержание сущности в статусе нормы бытия, как тому учил М.А. Лифшиц. Этот нормативный момент в сочетании с эссенциалистской презумпцией позволяет диалектически обосновать дисциплинарную структуру онтогносеологии как учения об универсальности реального. Такой подход позволяет разграничить: 1) реальность в качестве предметного содержания, взятого в аутентичной, предметной форме; 2) реальность в качестве замещённого содержания, отражённого в его системных свойствах, и, наконец, 3) реальность в качестве превращённого содержания, выраженного посредством своего мировоззренческого переосмысления через практический смысл, актуальный для ценностного самоопределения меры конкретности субъекта. На этой основе в дисциплинарной структуре онтогносеологии можно выделить: 1) естественную, 2) системную и 3) спекулятивную части.

Естественная онтогносеология представляет собой первую онтогносеологическую дисциплину, назначение которой состоит в раскрытии подлинного содержания реальности, взятого в его непосредственности и являемого в форме интуитивного единства, определяющего сущность в его предметном статусе. Естественная онтогносеология исходит

из того, что природную сторону предметной конфигурации сущности образует непосредственная реальность, будучи всецело тем, за что себя выдаёт, коль скоро Природа как таковая не разыгрывает перед человеком никакого спектакля и не имеет намерения предстать тем, чем она не является. На этой реалистической предпосылке базируется презумпция аутентичности классического опыта, признающего неигровую серьёзность Природы, в которой нет ничего, кроме вещей, процессов и состояний. На этом уровне для человека становится достаточным понимание естественных законов, в соответствии с которыми предметный базис сущего оценивается на основании критериальных оппозиций совершенства и несовершенства вещей, обратимости и необратимости процессов, открытости и закрытости состояний. Совершенная вещь есть тело, необратимый процесс — душа, открытое состояние — дух. В этих аспектах подлинное содержание приобретает эйдетику, доступную для понимания в формах, предоставляемых самой Природой в качестве её естественного порядка. Вещи, процессы и состояния как таковые не нуждаются ни в каких интерпретациях метафизического плана, а потому предстают предметно вне тех вторичных интерпретативных комплексов, которые возникают на почве избытка обратных связей в метафизических дисциплинах. Естественная онтогносеология берёт вещи, предметы и состояния такими, какими они понимаются безотносительно к каким-либо метафизическим истолкованиям. Этим сводятся на нет мыслительные *entia rationis*, ипостазированные критицизмом в качестве супплетивных проблематизмов. Здесь онтогносеологическая рефлексия может руководствоваться как бритвой Оккама, так и подходом русского неокантианца Б.В. Яковенко: «Вещь в себе есть данность, взятая затуманенным игрой воображения рассудком так, как будто она была уже обмысленным предметом» [15, с. 307]. *Ding an sich* лишается привилегий на проблематизацию, оказавшуюся поставленной в один ряд с процессами и состояниями. Применительно к подлинному содержанию (в котором помимо вещей участвуют процессы и состояния) следует признать пропедевтически верным тезис русского спиритуалиста Л.М. Лопатина: «Нашему изучению подлежат только действия вещей на нас, их впечатления на наши чувства, их проявления в нас» [8, с. 382]. Всё понимаемое подлинное содержание предстаёт для человека в специфицированной реальности в нечётных оппозициях достоверности, вероятности и транзитивности.

Системная онтогносеология представляет собой вторую онтогносеологическую дисциплину, назначение которой состоит в развёртывании замещённого содержания реальности, признаваемого через комплексы операциональных субституций, взятых в модельном качестве. Системная онтогносеология исходит из того, что модельная ситуация, в которой сущность предстаёт для человеческого ума познаваемой, сводится к конечному набору базовых инвариантов, характеризующих воспроизводимостью операциональных субституций, позволяющих осуществлять идеацию действительности логически непротиворечивым образом. Замещённое содержание познаваемо и предсказуемо. Оно включает в себя все репрезентации, которые операционально исполнимы и в силу этого могут быть сконструированы *clare et distincte* на общезначимых основаниях. Предметная сущность предстаёт как комплекс трансформаций, просчитываемых рассудком и исчислимых на основании репрезентативной модели, все характеристики которой функциональны в той мере, в какой они подлежат алгоритмизации. Замещённое содержание предстаёт познаваемым на системной основе в формах операционально-исполнимых репрезентаций, характеризующихся континуальностью титульной эйдетики. Поэтому для системной онтогносеологии значимо только то, что по показаниям сущности рационально в предметном содержании. И здесь актуален подход И.Р. Шафаревича: «...смысл математического понятия далеко не содержится в его формальном определении» [13, с. 7]. Этот момент указывает на экспонируемость сущностного содержания относительно среднего перцептивного фона, данного посредством лейбнизианского понятия «незаметных восприятий», разрешаемых *in abstracto* в концепцию дифференциального исчисления и присутствующих в сознании субъекта на основании психофизиологического закона Вебера-Фехнера. Поэтому для системной онтогносеологии релевантны категории тождества, различия и подобия, операционально исполнимые для монистических, дуалистических и плюралистических системных решений, являющих замещённое содержание как опционально значимую конструкцию, релевантную для модельной ситуации в репрезентативном плане. Догматическая метафизика классического рационализма абсолютизировала этот аспект, а системная онтогносеология, согласно М.А. Лифшицу, исходит из того, «что бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логосе, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны,

и грань между ними есть» [7, с. 20]. Смысл выявляет эту границу на общезначимых основаниях, делая её эйдетически узнаваемой, а поэтому доступной для познания, взятого в его системности.

Спекулятивная онтогносеология представляет собой третью онтогносеологическую дисциплину, назначение которой заключается в выявлении превращённого содержания сущности, возникающего в ходе актуализации ценностных интенций субъекта, которые фокусируются мировоззренчески в его терминальных инспирациях. Спекулятивная онтогносеология выявляет мировоззренческие лимиты, посредством которых единство бытия и мышления предстаёт как тотальность, доступная для понятийного постижения, как некая умопостигаемая целостность, имеющая внятную телеологическую интенцию. В этом плане важна мысль Г.И. Челпанова: «Вера в возможность наших последних целей, в возможность высшего блага служит точкой опоры в образовании мирозерцания» [11, с. 500]. Постигание истины отношения между бытием и мышлением, имеющей ценностный смысл для духовного самоопределения субъекта, позволяет позиционировать тотальность как полноту (*summum*), реальное опосредствование (*Vermittlung*) истинной середины (*die wahre Mitte*) в понятии (*medium*), и, наконец, как предел приращения определённости (*ultimum*), в котором сущность актуализируется *in concreto* как постижимая всеобщность понятия (*Begriff*). В спекулятивной диалектике Г.В.Ф. Гегеля были намечены контуры этого теоретического синтеза, но не были до конца прояснены сущностные дистинкции, релевантные для терминальных флексий полноты, середины и предела, и был обусловлен интерес М.А. Лифшица к типологической проблематике исходного, среднего и крайнего типов, смещение которых приводит к кризису реальности и к возникновению идеологических фикций в качестве мнимостей, вызывающих понятийную аберрацию действительности. Посредством терминальных флексий задаются границы действительности, обнаруживающие мировоззренческий смысл. Ими действительность оконечивается, становясь постижимой. М.А. Лифшиц учил: «Пытаясь выйти из этой реалии, сознание вступает в противоречие с самим собой. Нельзя утверждать, что всякое сознание в основе своей условно и выражает только бытие субъекта, кроме того сознания, которое это сознаёт. Для него нет исключения. Делая шаг за пределы магического круга, оно отвергает свою исходную аксиому — принципиальную ограниченность субъекта, отказ

от прямого отношения к истине внешнего мира» [5, с. 89]. Спекуляция выявляет мировоззренческий характер границ, в которых задано единство бытия и мышления, устанавливая регулятивные постижения сущности для всякого превращённого содержания. Следует в этой связи согласиться с И.В. Дёминым: «Границы не существуют сами по себе, они имеют свойство стираться и потому должны постоянно обновляться, прочерчиваться человеком заново» [3, с. 243]. Исполнению этой мировоззренческой сверхзадачи служат понятия имманентности, трансцендентности и трансцендентальности, актуализирующие свою значимость только там, где единство бытия и мышления реализовано на основании презумпции аутентичности, релевантной для постижимой конфигурации границ превращённого содержания.

Таковы общие черты дисциплинарной структуры онтогносеологии в первом предварительном теоретическом приближении. Для основоположника онтогносеологии М.А. Лифшица ключевой проблемой оказывается вопрос о разумности мира, который следует решить на содержательном уровне, а не путём абстрактного схематизирующего расщепления формотворчества. М.А. Лифшиц учил: «Истина есть, но лишь поскольку она включает неистину и исключает абстрактную истину» [6, с. 467]. Исходя из этого тезиса, имеет смысл ставить вопрос о том, как именно универсальность реального специфицируется дисциплинарно, образуя тематический базис истинной философии. Суммируя сказанное, следует подвести некоторые итоги.

1. Онтогносеология как учение о единстве бытия и мышления, предполагающее универсальность реального, требует дистинкций, образующих содержательный протокол.
2. Естественная онтогносеология есть учение о подлинном содержании, адекватном своей идеизируемой форме на предметных основаниях. Для неё тематична дистинкция вещей, процессов и состояний. В той мере, в какой подлинное содержание квалифицируется на основании критериев достоверности, вероятности и транзитивности, оно становится доступным для понимания.
3. Системная онтогносеология есть учение о замещённом содержании, адекватном операциональному оптимуму предметной субституции репрезентативной модели. Для неё тематична дистинкция монизма, дуализма и плюрализма. В той мере, в какой замещённое содержание квалифицируется на основании критериев тождества, различия и подобия, оно становится познаваемым.

4. Спекулятивная онтогносеология есть учение о превращённом содержании, адекватном ценностному тропу мировоззренческой когерентности. Для неё тематична дистинкция полноты, середины и предела. В той мере, в какой превращённое содержание квалифицируется на основании имманентных, трансцендентных и трансцендентальных критериев, оно становится постижимым.

5. Предварительный закон релевантной дисциплинарной тематизации состоит в том, что подлинное содержание понятно, замещённое познаваемо, а превращённое постижимо. Эта зависимость носит сущностный характер. Какие-либо альтернативы здесь недопустимы, поскольку они эту истину искажают.

Из сказанного становится очевидным, что дисциплинарная структура онтогносеологии включает в себе указание на содержательные инварианты, задаваемые на основе эссенциалистской презумпции. Только исполнив последнюю *lege artis*, человеческий разум обнаруживает сущность мировых законов, которым всякое конечное существо может следовать *bona fide*, дабы явить свою умопостижимую свободу.

Список литературы

1. Бахметьев А.Э. Онтологические основания интуиции как формы познания: интуитивная спецификация гипотезы // Аспирантский вестник Поволжья. – 2017. – № 7–8. – С. 4–9. [Bakhmetev AE. Ontological foundations of intuition as a form of knowledge: intuitive specification of a hypothesis. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 2017;(7-8):4-9. (In Russ.)]
2. Введенский А.И. Логика как часть теории познания. – М.: КомКнига, 2010. – 440 с. [Vvedenskiy AI. Logic as part of the theory of knowledge. Moscow: Kom Kniga; 2010. 440 p. (In Russ.)]
3. Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – 273 с. [Demin IV. Semiotics of history and hermeneutics of historical experience. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya; 2017. 273 p. (In Russ.)]
4. Каринский М.И. Критический обзор последнего периода германской философии. – М.: Либроком, 2011. – 336 с. [Karinsky MI. Critical review of the last period of German philosophy. Moscow: Librokom; 2011. 336 p. (In Russ.)]
5. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 368 с. [Lifshits MA. Dialogue with Evald Ilyenkov (The problem of the ideal). Moscow: Progress-Traditsiya; 2003. 368 p. (In Russ.)]

6. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с. [Lifshits MA. What is a classic? Ontognoseology. The meaning of the world. "True middle". Moscow: Iskusstvo XXI vek; 2004. 512 p. (In Russ.)]
7. Лифшиц М.А. Varia. – М.: Грюндриссе, 2010. – 172 с. [Lifshits MA. Varia. Moscow: Gryundrisse; 2010. 172 p. (In Russ.)]
8. Лопатин Л.М. Аксиомы философии. Избранные статьи. – М.: РОССПЭН, 1996. – 560 с. [Lopatin LM. Axioms of Philosophy. Selected articles. Moscow: ROSSPEN, 1996. 560 p. (In Russ.)]
9. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – 656 с. [Losev AF. From early works. Moscow: Pravda, 1990. 656 p. (In Russ.)]
10. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – 155 с. [Nesterov AYU. Semiotic foundations of technology and technical consciousness. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya; 2017. 155 p. (In Russ.)]
11. Челпанов Г.И. Введение в философию. – М.: Librokom, 2010. – 584 с. [Chelpanov GI. Introduction to Philosophy. Moscow: Librokom; 2010. 584 p. (In Russ.)]
12. Чичерин Б.Н. Наука и религия. – М.: Республика, 1999. – 495 с. [Chicherin BN. Science and religion. Moscow: Respublika; 1999. 495 p. (In Russ.)]
13. Шафаревич И.Р. Основные понятия алгебры. – М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 352 с. [Shafarevich IR. Basic concepts of algebra. Moscow; Izhevsk: Reguljarnaya i khaoticheskaya dinamika; 2001. 352 p. (In Russ.)]
14. Юшкевич П.С. Материализм и критический реализм: О философских направлениях в марксизме. – М.: КомКнига, 2007. – 200 с. [Yushkevich PS. Materialism and critical realism: On philosophical directions in Marxism. Moscow: Kom Kniga; 2007. 200 p. (In Russ.)]
15. Яковенко Б.В. Мощь философии. – СПб.: Наука, 2000. – 976 с. [Yakovenko BV. The power of philosophy. Saint Petersburg: Nauka; 2000. 976 p. (In Russ.)]

▪ Информация об авторе

Александр Николаевич Огнев — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва. E-mail: phil@ssau.ru

▪ Information about the author

Alexander N. Ognev — Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Samara National Research University n.a. acad. S.P. Korolev. E-mail: phil@ssau.ru